

Александр Грин

Событие

Александр Степанович Грин

Событие

Серия «Наследство Пик-Мика», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=316782

Аннотация

Моряк проломил жене голову утюгом... из нежности: «Он был морж (из зоологии известно, что в припадке нежности морж бьёт самку клыками по голове)».

© *FantLab.ru*

Александр Степанович Грин Событие

Я люблю грязь кабаков, потные физиономии пьяниц, треснувшие блюда с подгнившими бутербродами, бульканье алкоголя, визг непотребных девок, наготу ничем не прикрашенных желудка и похоти, толпу у стойки, чахоточный граммофон и тусклый свет газа. Часто, возвращаясь со службы, изящно одетый господин с портфелем под мышкой, – я захожу в какой-нибудь ревуший пьяными голосами притон и выпиваю водки на гривенник из толстого граненого стаканчика, захватанного мужицкими пальцами.

Я любитель контрастов. Грязная человеческая пестрота приводит меня в неподдельное восхищение, истинная природа человека становится здесь яснее, чем там, где привычка не чавкать за обедом дает право на звание культурного человека. Наше скучное общество, тщательно скрывающее от самого себя свою настоящую сущность, могло бы многому поучиться у наивного цинизма продажных женщин и жуликов. В среде, далекой от кодекса нравственных и прочих приличий, чувствуется веяние элементарной животной правды есть, пить и любить, – нечто неопровержимое, но для некоторых здоровенных, краснощеких господ еще нуждающееся

в доказательствах, потому что они опились, объелись и перелюбили.

Неделю тому назад в двенадцатом часу ночи я возвращался домой. Пустые улицы дышали осенним холодом, мрак скупно блестел точками фонарей, и мне было грустно. Я рассуждал о себе. Я приходил к заключению, что моя жизнь складывается не из событий, а из дней. Событий – потрясающих, счастливых, страшных, веселых – не было. Если сравнить мою жизнь с обеденным столом, то на нем никогда не появлялись цветы, никогда не загоралась скатерть, не разбивалась посуда, не просыпалась соль. Ничего. Бряканье ложек. А дней много: число 365, умноженное на 40.

Я становился смешным в своих глазах и внутренне кипятился. Лицо мое приняло желчное выражение. Меня называли угрюмым. Я тщетно старался создавать события. Пять лет назад я собирал марки; все разновидности их достались мне чрезвычайно легко, кроме одной – Гвиана 79 года. Рисунок этого почтового знака, виденный мною в одном из специальных журналов, был фантастичен и великолепен, но из всех моих поисков не вышло события. Марки я не нашел и сжег альбом. Потом, с течением времени, симпатии мои перешли на птиц. Но синицы, о которой я мечтал три года, синицы, способной петь сорок секунд, не позволил приобрести мой карман. Я рассказываю это в качестве примера поисков за событием. Грустное зрелище представляет человек, похожий на тележку, поставленную на рельсы. Кем придумано

выражение «как сыр в масле» – идеал безмятежного прозябания? Автор его был, вероятно, крайне несчастное существо – молочный фермер.

Я шел, светились кабачки. Там было вино, жидкость, способная превращать грусть простую – в грусть сладкую, и даже (особенность человека) – самодовольную. Быть может, пьяный калека не без тайного удовольствия сознает свои индивидуальные особенности. Там, где гений говорит: «я – гений», калека может сказать с достоинством: «я – калека». До некоторой степени вино уравнивает людей; человек, от которого пахнет водкой, счастлив прежде всего удесятеренным сознанием самого себя. В наивысшем градусе опьянения рука желания не достаёт до потолка счастья на один сантиметр.

Итак, я зашел, и огненная жидкость наполнила мой желудок. Было светло, шумно; оркестрион¹ играл прелестную арию Травиаты, похожую на тихий поцелуй женщины, или пейзаж, с которым вы связаны отдаленными, волнующими воспоминаниями. К моему столику подсел матрос, несколько пьянее меня; он спросил закурить. Я небрежно протянул ему выхоленную руку с зажженной спичкой. Он икнул, с шумом выпустил воздух и сказал:

– Д-да...

– Да, – повторил я. – Да, милый друг, да.

Какая-то упорная мысль преследовала его. Человек, ска-

¹ Оркестрион – механический музыкальный инструмент, по звучанию имитирующий оркестр.

завший «да» самому себе, отягощен кипением мыслей; это – крихтение нагруженной души. Я молчал, он осклабился, повторяя:

– Д-да. Д-да.

Из дальнейшего выяснилось, что человек этот проломил жене голову утюгом. Станный способ выражения супружеской нежности! Но это несомненно была нежность, потому что ряд сбивчивых фраз этого господина с фотографической точностью нарисовал мне его портрет. Он был морж (из зоологии известно, что в припадке нежности морж бьет самку клыками по голове) и «по-моржовски» обходился с супругой. Во время разговора я пил подлую смесь лимонада с английской горькой. Он сказал:

– Д-да.

Я, выведенный из терпения, не противоречил. Наконец, он стал разгружаться.

– Видите ли, – прохрипел он, – я не того... д-да... Она, надо вам сказать, рыжая. Я люблю ее больше чем «Муравья», хотя, клянусь дедушкой сатаны, посмотрели бы вы на «Муравья» в галсе – красота, почище военного корабля. И вот я сидел... и она сидела... того... и у меня в душе кипит настоящий вар. Такая она милая, господин, что взял бы да раздавил. Она говорит: – «Чего ты?» – «Люблю я тебя, – говорю, – оттого и реву». – «Брось, – говорит, – миленький, ты, – говорит, – того... самый мне дорогой». От этих слов я не знал что делать. Слов у меня... того... таких нужных

нет... понимаете? А сердце рвется... вот, как полная бочка всхлипывает. Сидел я, сидел... слезы у нас того... у обоих... Такая меня тоска взяла, не знаю, что делать. Утюг лежал на столе. Впал я в полное бешенство. Ударил ее. Она говорит: – «Ты с ума сошел?» Кровь и все такое. Того... видите ли, я не был пьян, то есть ни-ни. Да.

Конечно, тросы и якоря отучили моржа выражать свои чувства несколько деликатнее. Ему нужен был выход; человек, охваченный пламенем, не всегда ищет дверей, он вспоминает и об окошках. Как бы то ни было, я почувствовал к моржу уважение, смешанное с завистью. Любовь, напоминающая новеллы, и утюг – это событие.

– Да, – сказал я, барабанив пальцами по столу. – Что такое бегучий такелаж?

К моему удивлению, собеседник подробно и бойко, не мямля, как пять минут тому назад, растолковал мне, что бегучий такелаж – подвижные корабельные снасти. Этот предмет он знал. Слово «того» исчезло. Вслед за этим он захмелел и упал на стол. Я же пошел домой и, поравнявшись с буфетом, вспомнил, что нужно захватить с собой бутылку вина.

Пока я покачивался у стойки, багровое лицо буфетчика приняло колоссальные размеры. Я с любопытством следил за ростом его головы, она распухала, толстела и через минуту должна была отвалиться прочь, не выдержав собственной тяжести. Буфетчик завернул бутылку в обрывок газеты и по-

дал мне.

– Приятель, – сказал я, – следите за своей головой. Если она упадет, это будет событие, перед которым померкнет даже то, что я слышал сегодня, а, клянусь вашим папашей, я не слышал более забавной истории.